Владимир Геннадьевич
Шаркунов

На шаткой плахе

роман

Владимир Геннадьевич Шаркунов
На шаткой плахе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958588
ISBN 978-5-4474-0483-3

Аннотация

Герой повествования попав в места не столь отдалённые, сталкивается с жесточайшей несправедливостью. И прежде, чем он обретёт свободу, ему предстоит пройти через такие испытания, которые под силу не каждому человеку. Книга, как считает автор, написана увлекательно и интересно, не смотря на многообразие литературы о заключённых.

Содержание

Аннотация	5
1	7
2	18
3	29
4	42
5	53
6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

На шаткой плахе
Роман
Владимир Геннадьевич Шаркунов

© Владимир Геннадьевич Шаркунов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Аннотация

Герой повествования, попав в места не столь отдалённые, не желает мириться с теми методами перевоспитания для заключённых, которые навязывает ему администрация колонии. За что он неоднократно будет водворяться в ШИЗО и БУР (барак усиленного режима). Но эта мера воздействия лишь пуще разжигает у героя ненависть к зоновскому режиму.

В конце концов, у хозяина колонии терпение лопается, и он избавляется от коленонепреклонного зэка, подведя его под суд, который и определил злостному нарушителю режима содержания меру наказания: на оставшиеся три года срока осужденный переводится в СТ-2 (крытка).

У героя, конечно, репутация самая, что не наесть, отрицательная. Среди братвы он пользуется уважением. Однако, никто из его «ордена» даже и не подозревает, что их сотоварищ не собирается посвящать свою жизнь этому прогнившему, как фурункул, миру. Ему часто снится та, другая, счастливая жизнь, из которой его вырвала когтистая рука подлой фортуны. И прежде чем он обнимет самого любимого, самого родного человека, ему ещё предстоит пройти по таким адовым закоулкам, которые словно молотком будут вбиты в его мозг, и в дальнейшем станут напоминать о себе ежегодно, ежедневно… И это не дым от костра, от которого можно

отмахнуться – это навсегда..

1

Кто прошёл сквозь горно лагерей и тюрем и, при этом, не позволил убить в себе человека, всем вам, бродяги, посвящаю.

За многолетнее терпение, мое признание и низкий поклон самому близкому, самому верному другу на земле – Н. Г. Мухиной

Он являлся как наяву, с той же физиономией. Надменная улыбка, обнажающая упакованные в золото зубы, худое лицо с прямым носом, высокий лоб, тон-

кие короткие губы, брови и волосы – цвета соломы, а вот глаза, глаза почему-то красные. В его манере поведения, разговоре угадывалась поступь всемогущего, этакого царька. И еще он чем-то напоминал «истинного арийца», лощеного офицера СД. На нем была черная мантия. В руках, на уровне груди, он держал большую раскрытую книгу, но в нее не смотрел. Взгляд его окалиной прожигал каждую клетку моего тела. Говорил он раскатистым, похожим на Левитана, голосом:

– «Радуйся, поддонок, что тебя судят! Будь у меня полномочия, тебя бы казнили на центральной площади города, где под одобрительные крики толпы, палач с радостью отрубил бы твою поганую голову. Затем ее одели бы на кол,

и представили на всеобщее обозрение – дабы другим неповадно было. Молись, мерзавец, что тебе на некоторое время будет дарована жизнь! Еще не один, преступивший закон, не ушел от возмездия! И ты не исключение! За свои деяния ты будешь жить мучительной жизнью в том мире, куда я тебя отправлю. И даже там, никто не подаст тебе руки. Загибаясь от боли, ты по частям станешь выплевывать свои внутренности. Ослепнешь от неминуемого голода. О тебе никто не вспомнит, тебя просто вычеркнут из памяти. А вскоре, тебе все это опротивит, и ты сам сведешь счеты с жизнью».

Я молил его о пощаде, но он как будто не слышал.

– «Такие как ты не должны жить среди людей. Ты как кость в горле, как бочка дегтя, вылитая в чистый пруд! Ни мать, ни отец не станут сожалеть о таком ублюдке. Ты подохнешь как чумная собака! Подохнешь… подохнешь!»

Просыпался я, а точнее сказать, вырывался из сна в холодном поту. Сердце учащенно и больно било в грудь. Этот чудовищный сон нередко преследовал меня с тех самых пор, когда судья, после четырехдневного разбирательства моего дела, огласил приговор: … признать Медведева Владимира Геннадьевича виновным, определить ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на шесть лет, с содержанием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима…

Протяжно заскрипели тормоза, состав едва ощутимо дернулся и сделав

последний инерционный толчок, остановился. На несколько секунд в «Столыпине» воцарилась тишина, после чего послышался тяжелый, надсадный кашель, ленивые любопытные голоса:

– Что за станция?

– Березай. Кто приехал – вылезай!

– Да Тулун это. Или как еще говорят на местном наречии «кожаный мешок». По слухам, крытка здесь, очень схожа с пятизвездочным отелем. – Высказался какой-то умник.

Сведущие уркаганы рассмеялись.

– А ну не базлать! – прикрикнул один из солдат.

В коридоре столыпина несли свою бдительную службу двое солдат охраны, вооруженные пистолетами «Макаров». Каждый вел наблюдение за отведенной ему половиной купе-боксов, отгороженных от коридора металлической решеткой с кругообразной ячеей, что позволяло хорошо видеть уголовников и то, чем они занимаются. Однако не один солдат (были исключения) не хотел выполнять свои обязанности добросовестно. Почему? Да, видимо, потому, что болтаться два часа как маятнику от середины вагона до дверей, ведущих в тамбур, и обратно, надоедало. По этому, встретившись посреди коридора, солдаты подолгу, вполголоса разговаривали между собой, и при этом умудрялись курить, что на посту им строго запрещено. И лишь появление прапорщика или сержанта, заставляло их блюсти устав. Зеки же, пока охрана травит байки, не теряли времени даром.

Кто успевал заварить чифирку, вскипятив в алюминиевой кружке воду, сжигая имеющуюся в наличии бумагу; кто мучил «стос», по-турецки устроившись на верхних нарах, которые были сплошными и имели только люк для лаза; кто-то подстукивал соседям, в надежде, встретить земляка, а то и просто поболтать с теми, кто совсем недавно устроился «исправляться». Одним словом, жизнь обитателей «Столыпина», мало по малу бурлила. Как в муравейнике – шуму почти никакого, но все в движении.

И все же каждый зэка, хоть он и занят делом, каким только можно в вагон-заке, несет свой нелегкий крест с тайной надеждой в сердце, что наступит тот день, когда он обретет свободу и, быть может, счастливо построит свою жизнь, навсегда позабыв о страшном прошлом.

Правда, находились и исключения. Уркаганы, с которыми я оказался в одном купе-боксе, не подавали никаких признаков стремления к свободе. У каждого из троих не по одной судимости за плечами. Они до мелочей знали как лагерную, так и тюремную жизнь. Все трое сидели с малолетства и оттрубили по двадцать и более лет, имея лишь мизерный перерыв между отсидками, который исчислялся месяцами, и даже днями свободы. Да и вообще, плевать им хотелось на волюшку. Здесь, в этом гнилушнике, они чувствовали себя как нельзя лучше.

– К чему мне эта воля? – говорил, пожалуй, самый старший, низкого роста особняк, по прозвищу Гном. – Там у ме-

ня кто? Да никого. Ни отца, ни матери. Кому я нужен? Ну, выйду…. и куда? Пахать что ли? Поздно, не приучен я. А вот какому-нибудь фраеру не в карман, так в рожу залезу! Это уж как с куста. Не могу я видеть откормленных, да гладеньких… Так и хочется мракобеса на шампур одеть! – Переведя дыхание, он продолжал. – Глоток свободы, конечно в жилу. Все в розовых тонах. Биксы молодые гуляют, юбочки по самое хочу. Только не для меня все это. Выходит на роду мне написано разлагаться в этом вонючнике, да петушками, по мере возможности баловаться. Вот и получается – кому тюрьма, а мне родней не надо. Я здесь как рыба в воде.

Тут я подал Гному кружку с только что заваренным чифиром, и он на время замолчал, наслаждаясь ароматным вкусом «индюшки». Затем Гном передал кружак Феде, худому, как сама арестантская жизнь, строгачу, с кирзовой рожей и десятком оставшихся, прочифиренных зубов. Чаек Федя пил своеобразно. Отшвыркнет глоточек, после, глубоко затянется махорочкой (сигареты и папиросы считал баловством) и блаженствует, прикрыв глаза. Когда очередь дошла до Васико, на первый взгляд, тихого, усатого грузина (усы лицам кавказкой национальности разрешалось носить, видимо, как неотъемлемый атрибут горцев), он отказался от чая и передал кружку мне.

– Чифирни, земльяк, – и Васико просто объяснил свой отказ. – Я еще на зона этот блягородный напэток пакушаю. Что тэбья крытый шашлык из барана ждьет? Может кровный

пайка нэ увыдыщь, нэ толко чай. – За кровняк… из глотки вырву! – осердился я.

– А..а..й, что ты абижайся, – Васико взмахнул руками. – Сколко я критый был? Залатауст, Верхнеуральск, Таболск. Вот опят с Таболска качу. Ну, Таболск еще жит можна – сэтка вьяжешь там… ячик калетышь, кармьешка. А сэмдэсат пэрвый год Залатауст, вэришь, да, от голеда умьирали. Баландьер, пидарюга, прывьяжет к черпак мьяса, думаэшь пакушаю, а вазмьешь шлюмка – голий вода. Будэшь вазмучаться, такий влемьят – три дэн лэжишь, все косты балеют. Сам к кармушка не прыдьешь – пайка нэ увьидышь. Даходыл, щто прогулочный дворьик травка чипал по углам, как козьел… Адын сокамерник вскрыл себье вэны, выдать уже не мог терпет такой….

Мы давай двер стучат. Через пят менут набэжала целый атара этых тварэй. Толко адын кановал – баба. Тот уже как баран в крови, а она наступила каблюком ему на рука и гаварыт: «Пулс нармалный, такой бугай виживет». Нэ вижил, умьер, слова нэ гаварил. Труп толко утро забиралы. Твари!

– Васико, ну что ты разошелся? – вмешался Гном. – Тормознись, внатуре. Парняга первый раз в крытую катит, а ты…

– А-а-й, как разошелся! – Васико протер марочкой вспотевшую лысину. – Я жизн гаварью….

– Да разберется он в этой жизни и без нас. – как-бы подводя разговор к завершению, сказал Гном. – Сам понимаешь,

в крытую за здорово живешь не сбагрят. Стало быть он знал на что шел. Раз выбрал эту дорогу – попутного ветра. Такое вот мое будет мнение.

В рассказе Васико сомневаться не приходилось, поскольку на зоне, где я до недавнего времени пребывал, были двое очевидцев, побывавшие в тех самых крытках и по истечении тюремног срока, пришедшие возвратом в свою зону для дальнейшего отбытия наказания. Вечерами в секции, где кучковались отрядная братва, за кружкой чифира, я слушал скупые рассказы этих двух скелетов, обтянутых кожей, об их, можно сказать, трагической судьбе. Картина складывалась удручающая. По хлеще драконовских условия, создаваемые администрацией тюрьмы оставляли крытнику единственный шанс-путевку на «могилевскую губернию». Если здесь, в крытой, не здохнешь от голода, ТБЦ, зверских побоев и издевательств, и не попадешь в «пресс хату», обольщаться не стоит. Черная с косой, настигнет тебя через пять, максимум десять лет. По любому, ты уже, не жилец. И понимаешь, что отпущенное тебе время, не что иное, как моральная подготовка в мир иной.

Мне не хотелось верить в эту галиматью, но я видел перед собой двух живых, говорящих мертвецов и, словно промакашка, впитывал каждое сказанное ими слово. Я понимал, что должен расти не только в глазах старших братьев по ордену, но и, обязательно, в глазах тех, кто недавно пришел на зону и был противником методов администрации лагеря.

Того требовала жизнь. Попал в калашный ряд – назад хода нет… Так мне казалось тогда… давно.

…Гном и Васико продолжали дискуссию на тему крытых – мрытых. Я сделал еще пару глотков чифира и, передав кружку Феде, закурил «Урицкого», которым неплохо подогрели поселенцы на Красноярской пересылке. Федя, как и я, не впрягался в базар своих корешей. Он пыхтел махрой и «шелушил стос». И вообще, Федя предпочитал больше молчать, чем попусту напрягать язык. От самого Тайшета, я не слышал из его уст ни единого предложения, за исключением коротких фраз.

– Скорей бы на зону, – вдруг ни с того ни с чего прошептал Федя, выпуская тугую струю дыма.

По – человечески, я не понимал этих пассажиров. Оставаться до конца жизни босяками, быть преданными идеалам уголовного мира – вот их смысл существования. Я бы еще понял, если б они были молодыми, сбитыми с толку, закоренелыми, прожжоными урками, но ведь им самим уже под сраку лет. Вон, даже и меня, как слепого, пытаются за руку водить, хотя соображают, что я не лыком шит и являюсь жуликом по -чище их. А того они не замечают, и видимо уже никогда не заметят, что есть люди совершенно с иным складом ума. Им и в голову не может прийти, что основная масса здешнего контингента не собирается посвящать себя уголовному миру, что есть на земле нечто такое, которое во стократ чище, лучше, ближе, понятней, добрее и пусть не на много,

но справедливей. А у них одно мнение, как и у ментов – если попал сюда, то это навечно.

С другой стороны мне было жаль их. Неунывающие, действительно, вечные каторжане, с лихвой хапнувшие горя, они, тем не менее, продолжали оставаться приверженцами лагерной жизни.

Дескать, там, на свободе все говно, а здесь у нас живут только по понятиям.

Однако, по их лицам было видно, что они с нетерпеньем ждут той минуты, когда войдут в зону и увидят над головой небо, а их легкие наполнятся чистым, вкусным, осенним воздухом.

…..Через минуту, другую мне предстояло покинуть эту жиганскую компанию. Прикурив, потухшую беломорину, я подтянул свои сидора поближе к выходу. Мысли о той, знакомой лишь понаслышке, тюремной жизни, одолевали меня одна за другой. Перекрутив в голове, как кинопленку, множество вариантов встречи с крытой и ее обитателями, я пришел к выводу, что все будет так, как угодно зэковской фортуне, и прекратил это порожняковое занятие. «Ну ничего, – размышлял я про себя – Дубачье меня не возьмет. Нет. Ломали уже на зоне, много кровушки моей выпили. Да видать, кость не по зубам, вот и сбагрили в крытую. Спасибо отцу с матерью, что таким слепили….. Как хоть они там. Эх, взглянуть бы со стороны хоть одним глазком… Волчья жизнь. Торчишь, как хрен в горчице. Когда все кончит-

ся, да и кончится ли? В такой обстановке, да с моим характером, таких дров наломать можно, что и неизвестно, через сколько лет эта мясорубка меня выплюнет. Буду как эти трое – рядом с волей прокатали-просидели и хоть бы что, довольны. О жизни рассуждают, будто одну уже прожили на воле, как все нормальные люди, а другую решили посвятить уголовному миру. Неужели и в правду не сожалеют? Не верю! Быть того не может! Не помню, чтобы засыпая, я не вернулся домой, к родителям, в свое детство. Иной раз аж до слез… проснешься, подушка мокрая, и такая злость возьмет. За что, за какие грехи эта спираль испытаний в адском котле. что изваял человек для человека? Природа на такое не способна… А эти – к чему воля?… Не дай бог, мне до такого докатиться. Нет…

Слышно было, как в тамбуре бряцнули двери, мимо купе-бокса прошли двое встречающих. Обычно, старшой конвоя – прапорщик, а эти двое – один рядовой, другой старшина. Нескладуха, какая-то, получалась. И еще я заметил, что лица у обоих румяные. Не от мороза, понятное дело, на дворе-то начало сентября. Мне, конечно, чхать какой конвой меня встречает. Я уже просто радовался, что наконец-то добрался до места назначения, точнее сказать – доставили. Позади остались пересылочные клоповники, разборки в отстойниках, бесконечные шмоны и прочие никчемные передряги. Теперь одно, – думал я. – Как встретит крытая? А конвой, он и на луне конвой, доставят в лучшем виде. Работенка

у них такая.

– Э, паровоз! – сказал мне солдат охраны, – завязывай курить. – И он не упустил момента подначить меня. – Собирайся давай. Тулунская тюрьма распростерла пред тобой свои объятия.

– Да уже до боли в почках знакомы мне ваши объятия, – спокойно, чтобы солдат не приставал, ответил я.

И мне вдруг вспомнились события месячной давности, когда конвой Тюменского СИЗО, на глазах у людей ожидающих поезда, демонстрировал свое физическое мастерство на одном горе-зэке, попытавшемуся вырваться на волю. По какой причине? Черт его знает. Может, ему уже нечего было терять? А может он был слаб духом или, попросту не выдержал гнета в советских застенках.

2

Тогда, в отстойник набили человек около ста, идущих на этап. Впрочем, это была обыкновенная камера, расчитанная на половину находящегося в ней в данный момент народа. Как только за мной бухнула дверь, я облегченно вздохнул, хотя дышать здесь особо-то было нечем. Волны махорочного тумана настолько густо заполнили камеру, что противоположная от двери стена, с двумя окнами, едва угадывалась. За тридцать суток, которые мне пришлось одному коротать в подвальной транзитной камере, я так истосковался по людям, что просто был доволен такой вот, представившейся возможности. В каждом углу сбившись в кучки по пять – семь человек, шли оживленные базары-разговоры. Ума много не требовалось, чтобы разобраться в обстановке. Судя по обилию давно неупотребляемых мной продуктов, которые в беспорядке присутствовали на столе – это место принадлежало тем, кто уже давно и надежно пристроился в этом мире. Сливочное масло, копченая колбаса, сыр, пряники, целлофановый кулек пачечного чая….. «Кучеряво живут», – отметил я про себя, и с невозмутимой миной, прошел вглубь камеры, неся свои, набитые разным тряпьем сидора. После минутного разговора с двумя подследственными, еще переваривающими мамкины пирожки, я устроился на нижней шконке.

Прикинут я был на уровне (кенты по зоне расстарались): черный, прошитый красными нитками, молюстиновый костюм, перетянутые «прохоря», и летная куртка на молнии, которую по случаю, здесь-же в СИЗО, выменял за наборный мундштук у одного особняка. Лежа на куртке, с закинутыми за голову руками, я пытался вспомнить вкус продуктов, только что увиденных на столе. Да не получалось. «Забыл, забыл. Не пойду же навяливаться. Хотя подойти, конечно, можно. Человеку, который идет в крытую, не откажут. Крытнику в этом мире почет особый. Так уж повелось, и не мной придумано. Ладно как-нибудь перебьюсь. Видать во мне от совести еще что-то осталось.»

На соседних «шконках» сидели первоходочники и чуть ли не шепотом разговаривали, сопровождая свои слова движением рук и головы. По долетавшим до меня фразам, разговор происходил согласно их положения: как вести себя на очной ставке, что говорить следователю, а если «терпила» напишет встречное заявление – могут и отпустить. Я искренне сочувствовал им, еще далеко, ох как далеко, не осознавшим, куда, в какие дебри они попали. Что ждет каждого из них – кто знает. Но завидовать нечему… На шконку напротив, присел какой-то ухарь. Я медленно перевел на него глаза. Тот с улыбкой заправского каторжанина, ловко, как иллюзионист упражнялся со «стосом». Внешний вид и два сидора, только что зашедшего в камеру, не ускользнули от вездесущего ока урок. И уж, наверняка, их заинтриговало мое пове-

дение – не успел войти, а уже как барин отдыхает на нижней «шконке».

Со смаком потягиваясь, будто проспал целую ночь, я резко принял положение сидя и в упор уставился на иллюзиониста:

– Я так полагаю, вы имеете мне что-то сказать? – Я нагло ехидничал. Знал, что церемониться в подобном случае – ставить себя в неловкое положение.

Иллюзионист хоть бы что, ни один мускул не дрогнул. Несколько секунд – глаза в глаза.

– Может, сгоняем? – маякнув на колоду, предложил он.

– Бабки лишние закрутились? – от не хрен делать, поинтересовался я, хотя играть и не собирался, потому что никогда этим делом всерьез не был увлечен. Разве что для души, и только. Однако толк в катальном искусстве знал.

– Да как сказать, – с поддельным безразличием ответил тот, нарочно демонстрируя мне по локоть синие от татуировок руки. – Оно дело такое: бабки наши – станут ваши, но и обратное, сам понимаешь, не исключено.

«Делопут – отметил я. – Шулер сраный нашелся. Возможно и в правду специалист. Но в таких случаях, когда за спиной пять харь, не хило смотрится и другой вариант: не мытьем, так катаньем. Тут ты просчитался землячок». И я решил прекратить этот пустопорожний базар. Протянул руку и иллюзионист подал колоду, явно, уверенный, что игра состоится. Даже причмокнул от предвкушения назревающего

заработка.

– На что играем? – спросил он, довольный таким оборотом дела.

Шелушнув несколько раз колодой, и определив, что она «коцаная», я жестко и как можно громче произнес:

– На жизнь играть будем! Годится?

В камере наступила гробовая тишина, словно у всех разом отнялись языки.

– Че-е-е? – вытянул морду иллюзионист. Глаза у него округлились, как у быка, и он уже был готов наброситься на меня. – Ну, вот что, земеля, – мне пора было вскрывать карты, поскольку перебор ничего хорошего не сулил, – Я тебе не фырган какой-то, набитый сливочным маслом. В крытую я покатил, так что гонять порожняки с тобой не имеет смысла. Уловил?

– Слушай, зема, бля буду,.. я даже чо то не прикинул, – зазапинался иллюзионист. – Ты уж не обессудь, бродяга, с каждым может случиться. Смотрю, ты так вкован, я и раскатал губу….

Дальше все было правильно. И чайком я ужалился, и перекусил, и в дорогу мне всего натарили. Словом, поделились чисто по босятски.

Вскоре дернули на этап. Воронок, в котором оказался я, напоминал звериные клетки зоопарка. Две маленькие справа и две по больше слева. Между ними проход около полутора метров с мягким сиденьем, где находились два солда-

та с автоматами и огромная овчарка, пепельного окраса. Я сидел в самой маленькой клетке, рядом с окошком. Мне хорошо было видно волю, потому, что клетки от охраны отделяла не сплошная металлическая стенка, а решетка с квадратной ячеей, куда запросто могла пролезть рука. Минут двадцать с небольшими остановками у светофоров вороные мчались до ж/д вокзала. И всю дорогу я не мог оторвать взгляд от мелькающих домов, тронутых желтизной деревьев, людей, идущих по тротуарам. Вся эта картина до боли щемила сердце. К глазам подступали слезы, в горле, как в пустыне – пересохло. Если бы меня сейчас о чем-нибудь спросили, я вряд ли бы смог говорить.

Со стороны города, воронки остановились слева от вокзала, чем-то напоминающего мини-небоскреб. Наш воронок остановился так, что мне были видны люди на перроне. Многие с чемоданами, всевозможными сумками и рюкзаками, явно ожидающие прибытия поезда.

От солдата охраны я узнал, что воронков аж пять. «Стало быть, отстойник-превратка на момент этапа, имелась в СИЗО не одна, коль этапируют такое количество нашего брата.»

Сбоку автозака прохаживался солдат с автоматом и с такой же овчаркой, что лежала передо мной, положив свою телячью морду на запаску. При этом она, вывалив язык, часто дышала и неусыпно посматривала на клетки.

Невдалеке от автовокзала появились двое пацанов, лет по пятнадцати. Я быстренько, вполголоса объяснил им, что

мороженое, это самое вкусное из сладостей, какие только существуют на земле. Пацаны переглянулись и убежали. Солдат в воронке, не пресекал разговора, а лишь просил говорить по тише, чтобы старшой не слышал. Вскоре пацаны вернулись, и притаранили четыре порции мороженого в вафельных стаканчиках. Наш охранник попросил того, с овчаркой, пособить. И тот попридержав псину, взял у пацанов мороженое и передал в воронок. Ребятня исчезла так же внезапно, как и появилась. И, что самое интересное, на этом процедура общения с вольным людом не окончилась. Откуда ни возьмись, нарисовался мужичок, лет этак сорока пяти. Лицо в свежих ссадинах, под правым глазом бланш, в руках задрипаная, кирзовая сумка. Не обращая внимания на овчарку, он смело подошел к солдату и начал ему что-то растолковывать, показывая свободной рукой то на сумку, то на воронок. Солдат ежесекундно отдергивал овчарку и отрицательно мотал головой. Тогда мужик отошел, и присев в тени акации, обратился прямо ко мне, поскольку мою любопытную морду, ему, пусть смутно, но было видно.

– Братишка! Я только вчера откинулся, – хрипло заговорил он, и стал выкладывать содержимое сумки на траву. – И это… передать вам трохи подогрева хотел, а эти волки упираются.

Солдат снаружи отпустил в его адрес крепкий мат. Увидев на траве четыре бутылки вина и несколько пачек индюшки, я тут же цынканул об этом соседям. И мы все вместе приня-

лись уговаривать солдата в воронке.

– На кой х… мне из-за вас свою жопу подставлять? Вам кайф, а мне губа! Умники!

Но мы понимали, что такой шанс выпадает не каждый день и не унимались. И надо сказать, не зря. Еще через несколько секунд нашего упорства, был найден оптимальный вариант решения данной проблемы. Три бутылки вина сержант заначил под сиденье, а четвертую, и весь чай отдал по назначению. Возражать не имело смысла.

Откупорив бутылку, я прямо из горлышка выпил чуть меньше половины, остальное, сержант передал строгачам. Мой организм настолько ослаб, что после выпитого у меня сразу зашумело в голове. Приятное тепло обуяло каждую клетку тела. Потянуло в сон. Я начинал, было, кемарить, но тут послышалась команда «Выгружай», и сон пропал. Пока очередь не дошла до нашего воронка, я принялся глазеть на людей, озабоченно толкающихся у тамбуров вагонов остановившегося поезда. Разнообразие цвета, заставляло жмуриться. Ведь на зоне все краски темные – от сапог, до жизни, за исключением формы офицеров. И тут вдруг неожиданно для себя я услышал громкий, истошный крик: «Стой! Стрелять буду!» Не надо было напрягать извилины, чтобы догадаться о том, что случилось. Явно, что кто-то ломанулся в побег. «Странно, но выстрелов пока не слышно. А, вон оно что».

Я увидел, как среди людей на перроне замелькали сол-

датские пилотки. Молодые воины махом настигли бегунка. Вокруг них образовалась толпа зевак, но солдаты, не обращая никакого внимания на людей, взялись за свою почетную и благородную работу. Крики, визги толпы, никоим образом не могли повлиять на происходящее. Пинали со знанием дела, со вкусом. Один даже прикладом автомата начал наяривать, видать ноги отшиб, бедненький. Запыхавшись, к «работягам» подбежал прапорщик и еле их угомонил. Те, с пеной на губах, схватили жертву за ноги и потащили к воронкам. Побегушник не подавал никаких признаков жизни, и тащился по асфальту, как мочало, как замызганная половая тряпка.

«Бедолага, куда ж тебя нелегкая понесла», подумал я с сожалением.

В воронок, будто сорвавшись с цепи, влетел сержант,

– Ну…. суки! – воздуха ему не хватило и он с натугой дохрипел. – Всех на пинках до самого Столыпина! Бля..!

И, действительно, каждый получал обещанный пинок в зад. Сержант, у которого остались три бутылки, так же упускал момента стряхнуть пыль с сапог. Я получил свою порцию и, немного пробежав, очутился позади колонны, присев на корточки. Сзади и с боков, солдаты стояли с автоматами на изготовку. В голове колонны метался взбеленившийся прапорщик, и, размахивая пистолетом, пискляво кричал:

– На колени, сучье племя! Шаг влево, шаг вправо, счита-

ется как попытка к бегству – стреляем без предупреждения!!

И видя, что на его команду никто не реагирует, пуще прежнего завопил.

– На колени!! Кому говорят… нелюди вшивые!!

Но на колени никто не становился. Попытались, было, молодые, но вовремя одумались, видя, что большинство команду прапорщика пропускали мимо ушей. Да и прапору, особо то, некогда было разгуляться. Поезд давно стоял и наверняка задерживался из-за всей этой галиматьи.

Колонну бегом погнали к столыпину, и тут продолжалась та же процедура с пинками. На этот раз я не выдержал, и, обернувшись в тамбуре, крикнул сержанту:

– Апсос драный!

Ухватившись за поручни, сержант хотел впрыгнуть в тамбур, но прапорщик, начальник столыпинского конвоя, строго сказал ему:

– Назад. Давай считай! И так задерживаемся, – и он рукой подтолкнул меня вглубь вагона.

Конвой еще не рассадил всех по купе-боксам, а поезд уже набирал ход, увозя меня в неизвестное, но неизбежное будущее.

В купе-боксе я оказался с соседями по воронку. После недолгого разговора о горе беглеце, я скинул «прохоря» и запрыгул на верхние нары. А остальные тем временем, что-то «ганашили» перекусить и чайку.

«Вот она, сраная, советская гуманность, – вспоминая по-

бегушника, злился я. – Вот-те и законы. Ну, догнали его. Дали бы как следуент по шее. Зачем же заживо запинывать. Это ведь по сути убийство…. Когда-то и я мечтал стать военным. Завидовал людям в форме. Дед вон у меня прошел всю войну. Летчик, капитан, много наград имеет. Мечтал, чтобы я непременно поступил в военное училище. Я и поступил…. только в дерьмо. Интересно, что скажет солдат, получивший отпуск за поимку беглеца, родной матери? Да поди, что-нибудь придумает. Или скажет правду? Впрочем, мать, она на то и мать, чтобы любить и лелеять свое чадо, и уж наверняка, одобрит поступок сына. Дескать, зек, он сродни зверю, и жить ему среди людей нельзя…. А ведь побегушник никому не причинил зла. Он побежал, не желая дальше оставаться во власти насилия. Похоже его терпению пришел конец и иного выхода он не нашел. Мало того, что ему отняли здоровье, суд, в обязательном порядке, накинет еще трешник к его сроку. И кто знает, что с ним будет в дальнейшем (если вообще выживет), раз уж решился на такое. По- моему, вариантов у него немного: вновь побег, или петля от безысходности…. А солдатам – отпуска. Да случись это в безлюдном месте, никто бы и догонять его не стал. Пристрелили б, как бешеную собаку, и все дела. Служивым нет никакого дела: есть ли у него отец, мать, семья, дети. Списали бы, как износившуюся робу, зная, что «свято место – пусто не бывает». И что характерно, на его месте может оказаться любой, невыдержавший железных когтей, так называемой, ис-

правительной системы. Душа и сердце у всех имеются, хоть ты и заключенный. И когда сердце заноет, застонет душа, как дитя потерявшее соску, разум может подсказать любой вариант, а каковы будут последствия….

Мысль моя оборвалась, застигнутая подкравшимся сном. Выпитое вино сделало свое дело, и я уже не слышал стука вагонных пар, крепко уснув, впервые за много месяцев сытым, хоть и с неспокойной душой.

3

Меня разбудили за несколько минут до оправки. Еще лежа я учуял запах свежезаваренного чая. Спустился вниз и как только присел, мне сразу протянули кружку с чифирем.

– Хапани, братан?

Чифирю мне не хотелось, но за ради уважения я сделал пару слабых глотков и передал кружку дальше, по кругу. В купе-боксе, включая меня, было всего шесть человек, то есть, помещение практически пустовало. Мы этапировались как баре – благодать, да и только.

– Держи, – вновь протянул мне кружку тот же, лет эдак на двадцать старше меня, уркаган. – А ты, братан, здоров поспать?

– Подфартило мне, – ответил я. – Пока столыпин ждали, винишком ужалился.

– Не хило, – сказал он.

Тут дошла очередь оправки до нас. Сержант открыл двери.

– Первый, пошел, – не повышая голоса и вовсе не в приказном тоне, сказал он.

«Антиресный конвой», – подумал я.

После оправки мы общаково трапезничали и по ходу знакомились. Вернее, знакомился только я, поскольку они давно и хорошо знали друг друга. Все пятеро катили

с верхнеуральской крытой, (по окончанию тюремного срока), на Красноярскую зону для дальнейшего отбытия наказания. То есть они прошли то, что предстояло мне, лишь с той разницей – с крытой возврат в зону мне не грозил, с крытой я выйду на волю. Придет время моего звонка, и я обрету свободу – она живет в моем сердце, еще живет.

Столыпинский конвой оказался исключением из правил, из ряда вон. Зеку такая охрана может только присниться. Конвой из сказки – иначе не скажешь.

Один из моих попутчиков лет тридцати, коренастый, с наколкой на веках «не буди», суетился и нервничал.

– Фуфел в погонах, – со злостью, вполголоса говорил он. – Ведь обещал отыграться, сучара!

Мимо бокса, не торопясь проходил солдат охраны. «Не буди» кинулся к решетке:

– Слушай, командир, где там у вас старшой?

– Я же на посту, не знаю, – ответил тот, пожимая плечами, и прошел мимо.

Вскоре, действительно, подошел прапорщик. Я узнал его, хоть и одет он был, как говорится, не по форме: тельняшка, галифе с подтяжками и в тапочках. Он открыл кормушку и положил на нее новенькую, в упаковке, колоду карт.

– На этот раз моими играть будем, – сказал он и изучающе посмотрел на меня. – Новенький-то ко двору пришелся?

– Свой парняга, – ответил Клещ и спросил прапора. – А чем тебе мои «стиры» не нравятся? Гля, какие эластич-

ные. – И Клещ, на приличном расстоянии, высыпал стиры из одной ладони в другую, с шелестом, похожим на хлест крыльев взлетающей перепелки.

– Играть будем этими, – криво улыбаясь, настоятельным тоном произнес прапорщик, ткнув указательным пальцем в колоду.

– Не, ну базара нет. – Клещу ничего не оставалось делать, как идти на попятную. – Желание начальника – закон.

Я- то думал они в «тэрса» катать станут, а они в обыкновенное «очко». В процессе игры у Клеща рот не закрывался. Выспрашивал у прапора о всякой хренотени, которая никому в пуп не упиралась. Скорее он это делал с одной единственной целью – притупить внимание соперника, тем самым увеличить свой шанс на выигрыш, наверняка, надеясь мухленуть. Однако все потуги Клеща оказались безуспешными, прапорщик таки отыгрался.

Проклиная себя на чем свет, Клещ долго копался в своем сидоре. Наконец он извлек из него золотую цепочку и протянул ее прапору.

– Держи, начальник. Сегодня на твой конец муха села. А может это, еще сгоняем? – Клещ похоже желал реванша. – У меня колесо рыжее есть.

– Что за колесо? – спросил прапор, спрятав цепочку в карман галифе.

Клещ вновь нырнул в сидор, еще дольше прежнего копался, и обнаружив припрятанную вещь, прыгнул к кормушке:

– Ну-ка, дыбани!

Прапорщик взял золотое колечко, так и сяк покрутил его, убедился, что на нем стоит проба, попытался одеть на мизинец одной, затем другой руки. Кольцо явно было мало.

– Куда оно мне? – и он протянул его обратно владельцу.

– Выиграешь, жене подаришь – нашелся Клещ.

– Чьей жене? У меня ее пока нет.

– Сегодня нет, завтра будет.

Прапор еще раз оценивающе покрутил кольцо.

– Во сколько ставишь?

– Как сам, понимаешь, – развел руками Клещ. – В моем положении хаметь не котируется. Я думаю, за пятьдесят колов покатит. А?

– Тридцать, и не больше, – уверенно сказал прапор, тем самым, как бы давая понять Клещу, что торг окончен, в противном случае, игра не состоится. Клещ поняв, что всякое его возражение может быть истолковано прапорщиком по – своему, не стал возражать. Со стороны видно было, что кураж у Клеща артистичный, какой-то не присущий истинному катале, но тем не менее он рвал в бой. Торопился расстаться с кольцом, что в итоге и произошло. За какие-то полчаса прапорщик сделал его, и сделал красиво. Все произошло настолько быстро, что Клещ даже опомниться не успел, как кольцо уплыло в тот же карман галифе, в котором лежала цепочка.

– Благодарю за игру, – сказал прапор, убирая карты. – Те-

перь можно жену подыскивать. – Он не скрывал радости. – Ладно, пойду своих посмотрю, а то они у меня большие любители дремануть.

Прапорщик захлопнул кормушку и пошел восвояси.

– Ща чайку сообразим, подходи, – только и нашелся что сказать ему вслед Клещ, все еще обескуражено стоя у дверей с перекошенным лицом.

Пока гоношили на счет чая, друзья-корефаны вправляли Клещу мозги. Оказалось, все, чем стоящим он разжился в пересылочных «превратках» (большая камера-отстойник, в которую зачастую сгоняют зеков всех мастей – от подследственных, до урок особого режима перед самой отправкой на этап, или же наоборот, пришедших в тюрьму с этапа), стало собственностью начальника конвоя. Клещ влетел в промот, как кошка в подпол. И все же он никак не мог смириться с мыслью, как это вышло, что какой-то прапор-гнида умудрился переиграть его, лишил «кровно нажитого». Он не придавал значения нравоучительным наставлениям своих корешей, курил одну за одной папиросы и нервно мотал головой. Ему явно было не по себе.

– Завязывай каталово, – сказал ему кореш, по кличке «туборь» – Порви свой стос к х… м, а то как в зону с голой жопой нарисуешься? Шулер х… в.

– Ты! – Клещ дернулся на Туборя. – Ты о своей жопе думай. Понял? И воще, метлу попридержи. А то ненароком по бороде схлопочешь.

Мы с Туборем кипятили воду, он держал кружку, а я снизу, сжигая «дрова» (листы журнала «Знамя») поддерживал огонь.

– Ты, понт ходячий, – сказал он Клещу. – Сначала, вот, моего младшего брата попугай. – Туборь свободной рукой указал на ширинку. – Бычара!

У нас на зоне, базары в таком ключе никогда не велись. Так можно было говорить только козлам, парчукам, обиженным и т. д. Для меня такое их ласкательное общение между собой, явилось полной неожиданностью.

– Красиво вы общаетесь, бродяги, – подивился я. – Аж на душе приятно.

– Братан, – просвятил меня самый старший, – ты не обращай внимания. У нас такое терлово только меж собой. Мы ж сто лет знакомы.

Чаек уже настоялся, когда подошел прапорщик и вновь открыл кормушку. По ходу потребления чифиря Клещ спросил его, нельзя ли «макара» посмотреть. Прапорщик подозвал постового солдата, несшего караул на нашей половине вагона, попросил у него пистолет и, когда тот без возражений подал оружие, он ловкими движениями извлек обойму, и проверив патронник, протянул «макара» в кормушку.

– Посмотрите, – сказал он, – только аккуратней, а то застрелитесь.

Не знаю, что думали мои попутчики, но у меня складывалось мнение, что прапорщик не совсем здоров. Он еще и на-

учил нас разборке и сборке пистолета, будто нам придется им пользоваться. Вот те начальник конвоя. За такую связь с нашей братией ему могло, о – о – ох как не повезти.

– А ты не боишься, что тебя твои же солдаты вломят за такие кандибоберы? – спросил я его, после того, как он вернул пистолет постовому.

– Надеюсь этого не случиться, – ответил он. – Я никогда их не унижал. И потом, через недельку, я стану штатским человеком. В этом году окончил строительный институт, заочно, поеду на север, к отцу. Он там у меня начальником строительной организации заворачивает, в Сургуте. Так-то вот, господа уголовники. Откинитесь, милости прошу, ко мне на стройку.

…В Красноярск прибыли затемно. В тюрьме, с отстойника выдергивали по три человека. Шмон, каптерка и, согласно переданного из столыпина дела на каждого зэка, расфасовка по камерам. Когда очередь дошла до меня и я оказался в довольно просторном помещении, где густо пахло смолой сосны, то сразу обратил внимание на едва державшегося на ногах дубака, который только потому и держался, что руки его были оперты о длинный, из свежеструганных досок стол. Козырек фуражки прикрывал левое ухо, а правый глаз его был закрыт. Посмотрев на меня мутным глазом, словно прицеливаясь, он бухнул ладонью о стол и выдал:

– Вещи на стол! – почти угрожайте, без запинок.

Шмоном этакое мероприятие назвать было нельзя. Ско-

рее это походило на просмотр вещей заключенного. Все что дубаку казалось запрещенным, он убирал в сторону. Однако, пока он шмонал следующего за мной, я обошел стол и то, что отмёл у меня дубак, умыкнул в сидор.

В следующей, тоже не малых размеров комнате, стояло уже человек пятнадцать с постельными принадлежностями. В противоположной от входа стене дверь-решетка, явно вход в жерло каземата. А справа, внушительных размеров, «амбразура» коптерки.

– Ну что комендант? – сказал я коптерщику. – Помягше матрасик имеется?

– У нас все имеется, и даже это, – он пальцами изобразил понятную всем выпивохам фигуру и показал на чайник, что стоял рядом.

Я осмотрелся. Пока в комнате не было ни корпусного, ни прочей надзирающей шушеры, я шустро выудил из нычки пятерик и сунул коптерщику. Тот из чайника налил в граненый стакан чуть больше половины водки. И когда я, залпом влил содержимое в себя, коптерщик подал мне кусок сухаря. Прям, как в кабаке.

Прошло еще немало времени, прежде чем я оказался в камере. Камера была огромная, с множеством двухъярусных шконок и всего двумя жителями. По жизни, эти двое были сродни мне. Они тоже катили в крытую, но в противоположном направлении – куда-то на Урал, точно не знали. Было уже за полночь и я, сославшись на усталость от этапных пе-

редряг, отказался от «толковища», и завалился спать.

В Красноярске я задержался на каких-то три дня. Но и за это короткое время я было едва не влип в крамольную для себя историю. Все произошло во время прогулки. У прогулочных двориков прохаживался лейтенант, лет двадцати пяти, с лицом отъявленного гестаповца. В дворик я входил последним, но еще не успев переступить порог, услышал как лейтенант изрек:

– Веселее ходить надо, козлы!

– Ты на себя в зеркало смотрел? – Не задумываясь выпалил я, и ни о чем не подозревая, вошел в дворик.

Дверь не закрылась. Уже у дальней стенки, обернувшись, я увидел лейтенанта. Он стоял снаружи, в метре от дверного проема.

– Выйди сюда!? – не крича, но приказывая, сказал он, глядя мне в глаза.

– Так мы вроде квиты, гражданин лейтенант? – ответил я, полагая, что инцидент, таким образом, будет исчерпан. Но я недооценил гестаповца.

– Иди сюда!! – он уже сорвался на крик. На скулах пульсировали желваки.

– Кому надо? Тебе?! Ты и заходи, – здерзил я, зная, что в дворик он не сунется. Ему нельзя сюда заходить, согласно закона, ими же писанного. И он хорошо это осознавал, а потому стоял на своем:

– Ну, иди, иди сюда!?

Он уже, поди, мнит себе, как я загибаясь от боли, харкаю кровь, получая удары яловыми сапогами. Не унимался. Самолюбие ему, видишь ли, подрубили. «Переживешь, говнюк. При иных обстоятельствах, да в другом месте я б его просьбу, конечно, удовлетворил и посмотрел, насколько бы он смог аргументировать свой норов. Но в данном случае, выходить из дворика я не собирался. Я уже умудренный опытом зэчара и на подобную мульку меня не поймать. Я отдавал себе отчет, что выйдя из дворика, заполучу стопроцентную возможность увеличить на несколько лет свой срок пребывания в этих местах. Мое появление вне дворика могло быть расценено, как нападение на контролера, а тут еще и офицер.

Я перестал как бы то ни было реагировать на гарканье гестаповца, и он спустя минуту, другую исчез. Дворик закрылся. С неприятным чувством я дожидался окончания прогулки, полагая, что лейтенант пожелает меня встретить. Но этого не случилось – уж не знаю почему. Внезапно появившись, лейтенант так же внезапно исчез из моей жизни. Навсегда. А ведь мог, еще как мог…

Своих сокамерников, после этого случая, я возненавидел. Там, в дворике, они ни слова не сказали лейтенанту, чтоб хоть как-то помочь мне. Они с испуганными лицами стояли и лишь хлопали глазами. Оказывается, есть и такая, говнюшная категория зеков-недочеловеков. Не понятно, за кой хрен их в крытую сбагрили.

…В отстойник, перед самым этапом из Красноярска, на-

шей братии натромбовали человек сто, если не больше. Таких как я, и еще по- хлеще, набралось, что-то, человек шесть – мы друг друга чуяли. Нам не составило никакого труда, чтобы дать понять остальным присутствующим, что, дескать, перед ними есть те самые измученные, потерявшие здоровье за долгие годы заключения люди, которые нуждаются в материальной поддержке. А просьба наша заключалась в том, чтобы с нами поделились куревом, ну и чем другим – если посчитают нужным. Однако, на просьбу откликнулось человек пять, остальные предпочли «косить» под глухих, хотя баулы у всех были набиты доверху. Оглохшие были шофера – аварийщики. До суда эти люди находились на свободе, а получив срок, после недельного (может кто больше) пребывания в СИЗО, этапировались в колонию поселения – то есть, практически, на ту же свободу, пусть и несколько ограниченную.

Нам ничего не оставалось, как, в наглую, тормошить их рюкзаки. Здоровенные мужики тряслись, как перед казнью. Иные с криком «не отдам», падали на свои баулы и обхватывали их руками, словно клещами.

Я особого участия в этом мероприятии не принимал, но наблюдая, как уркачи со стажем, потрошат поселенцев, давался диву. Четверым, или пятерым, шибко несговорчивым, урки разбили морды, но брать у них ничего не стали, лишь распинали их пожитки по сторонам. Поселенцев – аварийщиков было так много, что если б они объединились, нам

ловить было бы нечего. Они без особых усилий могли отбуцкать нас так, что каждый из нас помнил бы этот день, как самый ужасный сон. Но недельный тюремный срок сделал их кроликами. Душа покинула тело, а на ее место вселился страх. И теперь, чтобы вернуться в прежнее состояние, им потребуется время, уйма времени.

В тюремном дворе пахло соленой рыбой. Перед тем, как затромбовать нас в воронки, СИЗОвские баландеры, под присмотром контролеров, раздавали нам селедку, (до этого каждый получил сухой паек – хлеб и сахар) и причем, без всякой нормы – бери хоть две, хоть пять. Я от этого удовольствия отказался, зная, что воды в столыпине не всегда допросишься. А повезет с водой, может не повезти с оправкой. Такого конвоя, какой доставил меня из Тюмени в Красноярск, дважды судьба не посылает. Не прошло и часа, как я в этом убедился. От самых ступенек тамбура до купе-бокса я пролетел мухой, подгоняемый тычками и пинками солдат. Возмущаться не приходилось. В боксе я оказался опять с той, из отстойника, братвой. И вновь, как и прежде, к нам, как к прокаженным, никого не посадили. Через какое-то время, обустроившись, мы рискнули побаловать себя чайком. А почему бы и нет. Втехушку начали кипятить в кружке воду, – вода в бочонке, закрепленном изнутри бокса к решетке, имелась. Свободные от этого процесса поочередно маячили у двери, надеясь, таким образом, лишить солдата-контролера всецелого обзора купе. Вроде получалось. Вода в кружке

начинала шипеть. Еще немного, еще и…

– А вот и пожарники!

У моего напарника от неожиданности дрогнула рука, и он уронил кружку с кипятком на пол. Мы посмотрели в сторону решетки, но тут же присели и обхватили головы руками. Двое солдат, с матюгами и смехом, направили на нас огнетушители. Не более минуты потрудились «пожарные», но и этого времени вполне хватило, чтобы у всех нас верхняя одежда пришла в негодность. Неплохо чифирнули. Сержант предупредил:

– Еще раз заметим, ваши почки перестанут функционировать. Писять в штаны будете!

И вновь возражать не имело смысла. Больше мы не рисковали с чифироварением. Как-то все, вдруг, разом расхотели.

…Мне пришлось еще неделю загорать в Тайшете – в тюрьме-бараке, длинном щитовом строении, в холодной камере, с огромным окном без стекол, прежде чем отправиться до конечного пункта своего назначения.

4

Мои попутчики, утратившие всякий интерес к вольной жизни, здесь слыли заправскими комбинаторами. Дипломатической хитрости им было не занимать. Уголовный мир, с его воровскими законами, научил их быть не карасями, а щуками. Не зря среди нашего брата бытует шутка: «Если отсидел больше пятнадцати – можно смело мочить».

Я, перед тем как покинуть эту компанию, по доброте душевной, сделал каждому презент. Феде подогнал десять пачек махорки и мундштук, с головой чертика. Гному, махровое полотенце и перламутровую мыльницу, а грузину Васико, подарил новенький лепень – муха не сидела. Казалось бы, все по жигански. Однако, видя, что мои сидора ничуть не изменили формы, они тонко и мудрено, чтобы вроде как не обидеть, напутствовали меня. Мол мы, конечно, понимаем, не в Сочи едешь, но только в крытой у тебя все отметут. Жалко будет, да поздно, пропадет барахлишко. Не слышали мы, чтобы в Союзе такая крытка организовалась, куда в таком виде, да еще с таким гардеробом принимали. Шлемка махорки, кусок мыла, пара нижнего белья и одна тетрадь – это все, что тебе, возможно, позволят пронести в хату. И то, при хорошем раскладе. Попадешь ДПНТ под х… вое настроение, можешь и этого не увидеть.

– Хорош, дипломаты! – они начинали меня доставать. –

Гасим эту тему! Если и уйдет мой багаж в пользу НЭПа, моя печаль – забота! Доберетесь до Иркутска, там и щегольнете своей эрудицией.

– Да ты не принимай к сердцу, – сказал Гном. – Тебе говорят, как оно есть на самом деле. А если ты надеешься на порядочность администрации, сам знаешь, блевотина все это.

– Я сказал, все! Закрываем тему! – у меня начинали почесываться казанки. – Вам на зоне куда проще развернуться, чем мне в четырех стенах… Так что давайте лучше о космосе поп… Дим. Говорят, на землю огромный метеорит летит. Не слышали?

– Кав-о-о? – раскрыл рот Федя.

– П… дец нам скоро придет!

– Вот бы на какую-нибудь мусарню ебнулся.

– Ага, жди. На нас бы не ебанулся.

– А нам к одному концу.

– Может ты и прав, Федя…

…..Крытка, тюрьма, началась для меня со второй половины сентября 1978 года, на тулунской земле Восточной Сибири.

Моросил мелкий, не по-осеннему, теплый дождик. Привокзальные деревца растеряли былую зелень, но зато обрели богатое разнообразие красок, напоминающие калейдоскоп. Листья акаций, не в силах выдержать тяжести дождя, до срока, не кружась, падали на землю. Стоя на мокром асфальте

перрона, я глубоко дышал, хотелось как можно больше пропустить через легкие свежего воздуха. Я готов был простоять так хоть час, хоть день… Конвой не торопился. Старшина, стоя на ступеньках тамбура, что-то еще выяснял у прапорщика столыпинского конвоя.

Другой конвоир стоял метрах в трех от меня с автоматом на перевес, поигрывая наручниками в свободной руке. Браслеты мне не одели, как я полагаю, из-за моего багажа. Не потянут же они мои сидора. Удивляло меня и само поведение конвоя по отношению к этапируемому. На меня никто не гаркал, не торопил, толкая в спину, не запугивал. Было в этом что-то интригующее. Я, признаться, такого не ожидал.

Вскоре объявили об отправлении поезда, старшина спрыгнул со ступенек и подошел ко мне.

– Ну, что крытничек!? Поехали? – сказал он, по отечески хлопнув меня по плечу и зашагал впереди, в направлении воронка, который стоял у водонапорной башни, неподалеку от кособокого, деревянной постройки ж/д вокзала, с огромными кривыми буквами на крыше: ТУЛУН.

Третий охранник, он же водитель, в дождевике, с автоматом на плече курил у открытых дверей автозака.

Город скорее напоминал большую деревню, поскольку ни одной каменной постройки, идя до воронка, я не заметил.

Подвыпившие конвоиры довольно таки долго раскатывали по городу. А в одном месте стояли минут двадцать, один из них куда-то бегал. Когда он вернулся, я слышал их разго-

вор:

– Ну что? – спросил сидевший за перегородкой автозака.

– Не дала, сучка! – отдышавшись, сказал вернувшийся. – Нету, говорит.

– Ладно, давай этого доставим, а там видно будет.

С грехом пополам завелась машина и воронок, как дрожащий листок, по катил по нескончаемым кочкам тулунских улиц. Я насилу удерживался на корточках, ухватившись руками за сидора, чтобы не улететь в какой-нибудь угол бокса. Наконец машина остановилась. Открыли двери.

– Выходи.

Водила настолько профессионально подъехал к входу, что спрыгнув, я сразу оказался в помещении. Через минуту меня ввели в светлую комнату, похожую на кабинет: шкаф, типа книжного, тэобразный стол, два стула и вешалка.

– Значит так, – деловито начал тот, что хлопал меня по плечу. – Шмонать мы тебя не будем, но при одном маленьком условии: ты даешь нам пять рублев, на постройку кораблев, а мы, вроде как обыскав тебя, вызываем корпусного и он уводит тебя в камеру. Договорились?

Я, конечно, прокатывал разные варианты, но чтобы такое.. У меня аж глаза округлились. Бывшие мои наставники по столыпину говорили о миске махорки, паре белья… Я уж и не знал, что мне думать. Правду говорят эти оболдуи, или по ушам ездят. И все-таки у меня не было никаких оснований верить им. Монета у меня имелась – стольник, пятаками.

Каждая купюра измята как салфетка, свернута в несколько раз, перетянута ниткой и аккуратно вшита в бушлат.

– Откуда у меня могут быть бабки. – сказал я, изображая удивление на лице. – Не с заработков же я сюда прикатил.

– Значит, хочешь, чтобы мы тебя скрупулезненько шмонали? – спросил все тот же, шустрый.

– Я серьезно говорю, нет бабок, – мне казалось, что говорю убедительно.

– Что ты «балду» крутишь? В тюрьму и без денег? Он словно чувствовал, что деньги рядом и не успокаивался.

– Ты подумай, пять рублей, это не пятьдесят. А то смотри – найдем, все потеряешь?

– Были бы, какой базар. Что мне, пятеру жалко? – руками развел я.

– Ну не хошь, как хошь, – сказал старшина. Придется тебя, как чебака выпотрошить.

Все трое поставили свои автоматы, кто куда, и начался капитальный шмон. Они так увлеклись этим занятием, что напрочь забыли о своем оружии. Автомат водилы, стоял всего лишь в метре от меня. Протяни руку и… Окажись на моем месте урка, которому нечего терять, шмон этим олухам обошолся бы дорого. Лобари тупорылые. За пятерик, готовы очко подставить.

Я наблюдал как кропотливо, и с каким азартом они прощупывали каждую тряпку. Шуршали тетрадками, открытками, раскидывая их по сторонам. Казалось, их усердию, не бу-

дет конца. Но тут попала в руки, с угреватой мордой, конвоиру, капроновая баночка, с надписью «Снежок». Он долго не мог открыть ее, а когда психанув, с силой дернул крышку, все содержимое высыпалось на его чистый китель и брюки. Машинально он начал стряхивать с себя зубной порошок, от чего его амуниция и вовсе пришла в негодность. Собирая всех богов, он злобно глянул на меня.

– Всякую х… ню с собой тащишь! – и сняв китель, тут же начал его выхлапывать. – А ты Петро, – сказал он старшине. – Иди за корпусным, пускай забирает! – Он оглядел себя и добавил! – Баба сегодня мне п… дячек вставит.

Петро взял автомат и исчез за дверью. Я тем временем собирал и укладывал, разбросанные по полу свои вещи. А когда вернулся Петро, я уже готов был к дальнейшим событиям. Но вдруг он подошел ко мне, и смерив загадочным взглядом мой рост, требовательно произнес:

– Ну-ка, жулик, бушлатик сыми-ка!

После этих слов я почувствовал, как жаром обдало спину, будто за шиворот кипяточку плеснули. Деваться некуда, пришлось снять фофан. «Вот ведь сволочь. Телепат он что-ли?» Дубак, шустор орудуя пальцами и держа голову чуть на бок, как бы прислушиваясь к своей работе – не хрустнуло ли, начал сантиметр за сантиметром, прощупывать ватин между швами. «Найдет сучара! Нюх как у собаки ищейки». Но мне подфартило. В комнату вошел высокого роста, сухощавый, лет шестидесяти, с износившимся лицом прапорщик. Форма

на нем была отутюжена, прилично сверкали сапоги и очки, которые нашивали в старину. Все это придавало прапорщику деловой профессорский вид. Петро не досмотрев фофан, швырнул его мне.

– Давай за мной! – в приказном порядке сказал мне корпусной, и спросил Петра: – Дело сдал?

– Сейчас унесу.

– Гляди, Петро, доиграешься. Чую, уже приняли?

Конвоиры виновато молчали. Мы шли по полутемному, с высокими потолками, длинному коридору первого этажа. Через каждые четыре метра по обе стороны, камеры, много камер. В спертом воздухе витал запах сырости. «Курорт, не иначе». По узкой, винтовой лестнице, поднялись на второй этаж. Воздух здесь был намного чище, а большие окна, находившиеся в обоих концах коридора, хорошо пропускали уличный свет.

У камеры №124 корпусной сказал: «Стой» и окрикнул дежурного по посту, который и без того спешил в нашем направлении из глубины коридора. «Видать по глазкам дыбарил, курва». Стук его кованых сапог напоминал удары двух разных по весу молотков о наковальню.. По мере приближения контролера, я понял от чего была такая разница в стуке его «копыт». Он сильно припадал на одну ногу – не то от рождения так шкандыбал, не то укоротили. «Наберут же уродов» и мне вдруг пришла на ум, давным-давно запомнившаяся частушка, которую по пьяни, сидя на лавочке у па-

лисадника с гармошкой в руках, любил напевать дядя Ваня, сосед по дому, еще с войны вернувшийся без ноги: Хорошо тому живется

У кого одна нога,

И портяночка не рвется,

И не надо сапога.

– Этого на «фунт», – сказал корпусной контролеру, когда тот подошел и остановился в ожидании распоряжений.

– Накормишь обедом, а часа через два я свожу его в каптерку.

– П..п..понял, – с трудом выговорил тот и забряцав связкой ключей, стал открывать камеру.

Я опустил голову, поскольку не мог сдержать себя, чтобы не улыбнуться. Хромой дубак, оказался еще и заикой. «Дефект ходячий, да и только. Ему бы дома на полатях лежать, а он нашего брата стережет. Во дают! Такого, сколько сидел в СИЗО, отбывал на зоне, не встречал. Были, конечно, всякие, но чтобы припудренные до такой степени…»

«Инвалид» открыл камеру и сделал мах рукой внутрь, мол заходи. Подняв с пола вещи, я переступил порог. Камера оказалась совершенно пустой, лишь обрывки газет, разбросанные повсюду, да окурки в бумажной пепельнице, что стояла на столе, говорили о недавнем присутствии людей.

Тяжеленная дверь бухнула за моей спиной. Я повернулся и крикнул:

– А почему никого нет? – Будто это было для меня сейчас

важным.

Резинка, закрывающая снаружи дверной глазок, поднялась и на ее месте появился, похожий на кнопку, глаз дубака.

– Фу..фу..фунтовиков, – глаз часто заморгал, – содержат отдельно. П..понял?

– Понял, понял, – согласился я, и глаз исчез.

…И вот теперь, оставшись наедине с самим собой в пустой камере, еще не отошедший от всех этапных передряг, я мысленно вернулся к тому, как буквально час назад, прокатывал варианты своего поведения на случай, если окажусь среди тех, кто задолго до меня обосновался в этой «обители». Не столько тревожила встреча с собратьями, сколько с администрацией. Но пока все складывалось так, что мне с трудом верилось в происходящее. Однако, исходя из собственного опыта, я знал, чтобы жить и при этом оставаться на плаву в столь страшном и несправедливом мире, необходимо было стоять за себя, доказывая свое присутствие не только словами, но и прибегать к физической силе (в зависимости, в какой переплет попадешь). Правда, наличие огромных кулаков не играло главной роли в тех кругах, в которых вращался и жил я. Но порой случалось всякое. Доходило и до того, что в ход шли штыри, ножи, всевозможные заточки. Но такое происходило в исключительных случаях. Многие, конечно, ломались, не в силах перенести всех ужасов уркаганских разборок. У иных при виде штыря сдавали нервы, и они ломились на вахту, в надежде встретить по-

нимание и поддержку кумовьев. Другие, плохо дружившие с головой, сами попадали в капканы, ловко расставленные оперативниками. Эти люди уже навсегда теряли свою прежнюю репутацию. Жулики подобного не прощают. Закон жесток. Подвел жиганов, ты для них – мразь, гребень, козел.

За три с небольшим года пребывания на зоне, где мне довелось испытать нимало лишений и унижений, именуемый администрацией блатным, я не позволил себе сделать и шагу в сторону той грани падения, за которой человек начинал терять свой облик, постепенно превращаясь в услужливого подонка, которого администрация вынуждала совершать поступки, связанные с тем, чтобы опорочить любого и каждого, лишить его возможности нормально жить и работать – тем самым приблизить день своего освобождения.

…Я все еще стоял посреди камеры, не сделав ни единого движения.

Рассчитанная на шесть человек (судя по количеству двухярусных железных шконок, вмурованных ножками в бетонный пол), камера была неплохо оснащена. Оцинкованный питьевой бачок, ведро, тазик с ручками, и даже раковина с краном, толчок, в котором постоянно журчала вода. Между шконками полутораметровой длины стол и лавка, также ножками в бетон. Короче, хата со всеми причиндалами, не чета БУРовским на зоне. Правда, хреново было то, что в окне (метр на метр) за решкой, жалюзи и зонд.

Я снял бушлат, постелил его на нижнюю шконку, и улег-

ся на спину, вытянув ноги. Приятно было лежать ни о чем не думая, – благодать, да и только. В глубине души я ликовал. Все позади, можно наконец-то расслабиться, отдохнуть. Полное безмыслие в странной для тюрьмы тишине. Вскоре мой бессмысленный взгляд упал на живое существо, выползающее из расщелины между уголком верхней шконки и стеной. Клопы были знакомы мне еще по БУРу, но дневных вылазок они там не делали, а вот ночью допекали частенько. Клоп медленно двигался так, чтобы оказаться вертикально против меня. «Нет дорогой, этот номер тебе не пройдет». Я живо соскочил и стал вести наблюдение. Клоп должен был прыгнуть на добычу, но каким-то образом дотемяшил, что пролетел, развернулся и поперся восвояси, ближе к щели. Только я собрался было прихлопнуть наглеца, как вдруг, нарушив тишину, раздался голос, словно из преисподни:

– Земеля, а земеля?

У меня ажно ноги подкосились.

5

В следственную камеру №36 СИЗО – 68/3 г. Тобольска, я попал шестого марта 1975 года. Отсидел четыре месяца. Затем, после четырехдневного судебного разбирательства, мне вкатили срок и я был переведен в камеру-осужденку, где еще четыре месяца ожидал этапа на зону, в связи с тем, что мой адвокат написал кассационную жалобу в вышестоящую судебную инстанцию. Ответ, как и водится, пришел отрицательный, с простой мотивировкой: «Ваши доводы не убедительны…. Решение суда обосновано на фактах уголовного дела….. Меру пресечения оставить без изменения».

Меня на следующий день, а вернее ночь этапировали в колонию.

От столыпина воронок покатил сразу на зону. Нас было человек двенадцать. Уже в зоне, нас завели в какую-то комнату, забрали вольные шмутки, оставив всех в одних трусах. Здесь же, зек в малюстиновом костюме, с биркой на правой стороне груди, записывал в тетрадь размеры обуви и одежды каждого. После этого процесса, начали по одному заводить в кабинет ДПНК.

Помимо капитана, дежурного помощника начальника колонии, в кабинете сидели два офицера и завхозы отрядов, видимо, загодя предупрежденные об этапе и вызванные на вахту. Неприятное ощущение, когда на тебя, почти на голого,

смотрят столько пар глаз. Такое впечатление, будто ты зверь в клетке зоопарка – еще бы булочки кидали. С минуту меня рассматривали, словно редчайший экспонат выставки человекообразных. Что-то записывая на каком-то бланке ДПНКа сказал:

– Сними трусы.

Я снял. Голому раздеться – секунда времени.

– Присядь.

Приседаю.

– Еще раз.

Приседаю еще.

– Повернись.

Поворачиваюсь спиной к ДПНКа.

– Теперь нагнись и раздвинь ягодицы.

Исполняю и сожалею, что не могу его удавить. «Автомат бы сейчас!».

Офицеры, что-то помечая в своих папках, не скрывая, с ехидцей лыбились. Завхозы, те вели себя скромнее.

– Так, – выдохнул ДПНКа. – Повернись сюда.

Я повернулся.

– Угу, – бурчит себе под нос. – Особые приметы. – Ага.. Родимое пятно на левой стороне груди, размером с горошину. Шрам от аппендикса.. Угу.. Подними руки.. Вытяни перед собой. Что ни одной наколки нет?

– Не успел, – говорю.

– Не беда. У нас нарисуешь.

И тут я не выдержал, и сам не зная зачем, ляпнул:

– Зубы смотреть будете?

– Что? – недоумевая, спросил ДПНКа. – А, зубы. Да вроде коронок у тебя не видать.

– Цыган, когда покупает лошадь, – я продолжал лезть в бутылку, – в первую очередь зубы смотрит.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина.

– О. о. – протянул ДПНКа.– Я гляжу, ты шибко умный!

– Да что с ним церемониться! – сказал один из офицеров. – Оформляйте сразу в ШИЗО! Строит тут из себя, понимаешь ли!

– Вот что, осужденный Медведев, – с нотками злорадства произнес ДПНКа. – Ты наверное думаешь, что попал на курорт? Так ты дурак! Ты попал в говно! И вылезешь ты из него или нет – зависит от тебя самого. Будешь грубить, мы заставим тебя уважать закон и порядок нашего учреждения. Очень рекомендую прислушаться к моему совету. Когда впредь захочешь задать мне вопрос, или кому бы то ни было из работников администрации, не забывай слово ГРАЖДАНИН. А если еще раз блеснешь остроумием, на зону попадешь после пятнадцати суток штрафного изолятора. И там, я тебя уверяю, спесь твоя, слетит как осенний листок. Ты меня понял?

– Понял, – неуверенно ответил я, и подивился добродушию капитана.

– Так-то вот. – Он несколько успокоился. – Специальность

какую-нибудь приобрел?

– Да. Электрогазосварщик.

– Хорошо, – ДПНКа продолжал писать. – Пойдешь в третий отряд. Ну что Попов? – обратился он к одному из завхозов. – Забирай, твой клиент.

– Трусы не забудь, – подсказал мне завхоз.

Я натянул трусы, и мы вместе вышли из кабинета.

Как оказалось, тот, кто записывал размеры обуви и одежды, был зоновский кладовщик. Прямо здесь, в вахтерской, я впервые облачился в одежду советского заключенного.

Третий отряд находился посреди жилой зоны, в длинном рубленом бараке, с широким, в шесть ступенек, крыльцом у входа. Внутри барака была идеальная чистота. Мне даже показалось, что все только что покрашено и побелено. Мы прошли в конец коридора, зашли в угловую секцию, и завхоз показал мне пустующую шконку второго яруса.

– Располагайся, – сказал он. – Сейчас принесут постельные принадлежности.

Как только за завхозом закрылась дверь, ко мне со всех углов секции, как хохлы на сало, сбежались собратья.

– Здоровенько!

– Откуда сам?

– Расскажи, как там на воле житуха?

– О, да у тебя в четвертой секции земляк!

И еще масса всевозможных вопросов. Куда деваться, пришлось нести всякую околесицу. Надо же как-то вливаться

в уголовный мир. В отряд пришел новенький и старые зека с удовольствием, раскрыв рты, подставляли свои уши под свежую лапшу. Хоть я и отсидел уже восемь месяцев, но все одно для них являлся носителем свежего, вольного материала. Мой рассказ прервал отрядный зуммер.

– Пошли в столовую, похаваем! – позвали меня.

– Не хочу я.

– Ну смотри сам.

Я правда не хотел есть. Новая обстановка, похоже, затормозила во мне обмен веществ. Морально, я чувствовал себя неважно. Пока новизна, тяжелым грузом давила на меня.

Минут через пять, после того как все ушли в столовую, в секцию зашел среднего роста зек. На вид около тридцати лет, чисто выбрит, в новеньком, не зоновского покроя, малюстиновом костюме. Из нагрудного кармана торчала марочка. Кирзовые сапоги на набитом каблуке, доведенные умелыми руками до неузнаваемости, больше походили на яловые. Он не спеша прошел между койками и сел напротив меня.

– Здорово, – сказал он, и закинул ногу на ногу.

– Здорово, – ответил я на его приветствие.

– Из Тобольска говоришь?

– Да, но откуда ….

– Понимаешь, – он не дал мне договорить. – У меня, можно сказать, должность такая, про всех все знать. Я давненько здесь парюсь. Сам по жизни уже старый волчара. С хорошими людьми знаюсь. Сволочей и говнюков, по возможности,

давлю… Вот к тебе зашел поспрашать: как жить думаешь, собираешься?

– Да я пока не знаю.

– Тебя как звать-то? Или погоняло есть?

– На воле дразнили «Миша», – ответил я.

– Ты вот что, Миша, – глядя куда-то за окно, сказал он. При этом лицо его не выражало ничего, разве что, какую-то спокойную уверенность. – Постарайся на первых порах никуда не влазить. Будут доставать с расспросами или втягивать в какое-нибудь дерьмо, смело посылай, а особо напористым, не раздумывая, заряжай по гриве. За последствия не переживай, не волнуйся. Ну будь. Не унывай, жизнь она и здесь продолжается! Оглядись пока, присмотрись. Через недельку, если с мозгами у тебя порядок, врубишься что почем.

Он пожал мне руку и уходя добавил.

– Возникнут серьезные проблемы, мои апартаменты в противоположном конце коридора.

Я ни хрена толком не успел сообразить. Лишь догадывался, что это был не просто зек, а человек, наверняка имеющий авторитет в этой среде. Иначе зачем он давал мне первые уроки, да и по сути гарантировал поддержку в случае неувязки. Даже имени его не узнал…

Еще в камере-осужденке я слышал от старых каторжан-мужиков, шедших возвратом с поселения в эту зону, каково здесь положение. Конечно, та информация не мог-

ла быть полной. Мужики, которым оставалось до конца срока самую малость, неохотно делились ей, ибо их думы были о другом, о предстоящей свободе. Но, тем не менее, я уже тогда имел понятие, конечно, не ахти какое, на какие касты делится уголовная братия.

Когда пришел из столовой сосед по койке, я рассказал ему о том, кто приходил в секцию в их отсутствие. Сосед мне популярно все объяснил. Оказалось, что я был прав в своих догадках.

После ужина, на который я также не ходил (сосед принес мои, обеденную и вечернюю, пайки), меня вызвал завхоз. В его махонькой комнатке стояли кровать, стол и дощатый шкаф. По зоновским меркам, жил он как царек, обособленно.

– Присаживайся, – сказал он, указывая на туборь. – Надо завести на тебя карточку, которая будет лежать на вахте промзоны. Твои инициалы я записал. Назови мне статью, начало срока и конец срока.

Я назвал.

– Ну вот и вся бухгалтерия.

– Так я пошел?

– Вот возьми бирку, – он протянул мне небольшой удлиненный четырехугольник с моей фамилией и номером отряда. – В секции у кого-нибудь возьмешь иголку с ниткой и пришьешь к лепню. Вот сюда, – и он ткнул пальцем в свою бирку.

– Понял? Все?

– Пару дней тебя тревожить не будут. Отдыхай. А потом на работу. Поглядим, что ты за сварщик. Иди.

Ровно в восемь вечера завыл зуммер. Проверка. Весь контингент отряда выстроился в коридоре. Вскоре появился ДПНКа и трое солдат-срочников, у одного из которых были лычки сержанта. Минут пятнадцать длилась процедура пересчета, по окончании однако, все продолжали стоять, и лишь после проверки остальных отрядов колонии дали команду «разойдись».

До самого отбоя меня доставали с расспросами о вольной жизни, особенно те, кто давно чалились. Я чесал, что только мог.

Ночь прошла в полудреме, как обычно бывает на новом месте. Много думал о доме, о родителях. О том, что быть может ждет меня за время отбывания срока. Строил планы на далекое будущее. Словом, забивал мозги всевозможной несбыточной чепухой, которая как птица из клетки вылетела из моей головы с воем зуммера, известившего о подъеме.

Подъем. Заправка кроватей. Туалет. Завтрак. Проверка. Развод на работу.

Я остался один. Все, кто проживал в этой секции, работали в первую смену. В столовую опять не ходил. Мои пайки черствели в тумбочке. Не так хотелось есть, как курить. А курева у меня, как впрочем, и ничего другого не было. Какое-то время я сидел в секции и листал подшивку «Тюмен-

ской правды», вскоре это занятие мне опостылело, и я решил выйти на свежий воздух, поглазеть на территорию, которая на долгое время будет принадлежать мне, а я ей, по которой придется ходить, бросать окурки и плевать на нее. На крыльце стояли двое парней, лет на пять постарше меня. Они курили и мирно о чем-то беседовали. Мое появление привлекло их внимание. Один из них спросил:

– Ты со вчерашнего этапа?

– Да, – ответил я и понял, что новичка в отряде распознать, не составляет труда.

– Зовут-то как?

– Миша, – назвался я погонялом, а сам с едва скрываемой жадностью, смотрел на их дымящиеся сигареты.

– Сроку дох..я? – спросил он, и протянул мне открытую пачку «Памира». Видимо, увидел мои «опухшие уши».

Я сказал и, прикурив сигарету, сделал подряд несколько глубоких затяжек. От приятного головокружения меня ажно пошатнуло.

– О. о. – он заметил мое телодвижение. – Ты когда последний раз трапезничал?

– Да это…. – я и сам не помнил.

– Ну-ка, выкидывай сигарету, и пошли!

– Парни, да я не голоден. – Мне было неудобно.

– Пошли, пошли, – и они, чуть ли не под руки, повели меня в свою секцию.

На подходе я понял, что это именно те «апартаменты».

Уютная, светлая секция с двумя большими окнами. И как повсюду в отряде, идеальная чистота. На двух койках спали.

– Так.. Посиди пока, – сказал все тот же, что дал мне закурить. – Сейчас, шустренько хавчик сообразим.

– Вадя! – обратился он к своему товарищу. – Ты насчет чайку, организуй в темпе.

Вадя достал из тумбочки «плаху» чая, взял, не меньше литра, плексиглазовую кружку и вышел из секции. Я видел, что в коридоре стоял большой титан, все брали из него кипяток, и понял, что Вадя пошел туда. А Рыба, так дразнили того, кто остался, доставал съестное из всех тумбочек и ложил на ту, у которой сидел я. Было ясно, что жили они общаком и жили, судя по продуктам, не хило. Тумбочка превратилась в шикарно сервированный стол: масло, сыр, нарезанный маленькими ломтиками, килька, конфеты подушечки. Вскоре вернулся Вадя, поставил кружку на соседнюю тумбочку и накрыл ее золотинкой из-под упаковки чая.

– Минут пять, и воровская кашка будет готова, – сказал он и подсел к нам.

– Давай, Миша, мечи. – Рыба двигал съестное ближе ко мне. – Давай, давай налегай, не стесняйся. А то где-нибудь костями сбрякаешь.

Они тихо рассмеялись. На верхней койке кто-то заворочался.

– Внатуре, поспать дайте!

– О, Хома проснулся, – Вадя подошел к его изголовью, – Я

знаю, Хома, ты не от шума проснулся, ты своим дегустаторским шнобелем чай учуял. Вставай, день впереди, дохрюкаешь.

– Ну вот, опять Хома крайний. – Он спустился с койки и не одеваясь, в одних трусах, прошел к нам в проход.

– Здорово. Хома.

– Миша, – я пожал его крепкую руку.

Рыба взял эмалированную кружку и тусанул чифир.

Я перекусил самую малость и, поблагодарив парней, собрался идти.

– Тормознись-ка. – Рыба достал из тумбочки три пачки «Памира», пачку «моршанки» и спички. Протянул мне. – Держи. На первое время. Закончится, подойдешь к любому из нашей секции.

– Но я не знаю, когда смогу вернуть. – Мне было неудобно, что ни за грош, они оказали внимание моей персоне.

– А тебе никто и не говорит, чтобы ты ворачивал. – сказал Рыба. – Или ты думаешь, если зона, то здесь нет ничего человеческого? Не надо так думать. И тут есть люди-человеки. Тебе, как я понимаю, тоже карта не козырная выпала, вот и попробуй, сыграй так, чтобы остаться человеком… Ну, да я это так. Не принимай близко к сердцу…

С этим философским наставлением Рыбы, я и пошел восвояси. После еды и горячего чая, потянуло в сон. Я стянул сапоги, запрыгнул на кровать и улегся поверх одеяла. Мои размышления над словами Рыбы, прервал завхоз. Он вошел

в секцию и сразу на повышенных тонах:

– Ты че борзеешь-то?

– В каком смысле? – Я спрыгнул на пол.

– Приспичило дрыхнуть, расправь постель. Усвоил?

– Понятно.

– Отрядный тебя вызывает. Пошли.

Пошли, – я натянул сапоги и вышел вслед за завхозом.

Отрядная хоть и была по больше каморки завхоза, но чистотой не отличалась. Складывалось впечатление, что это кабинет какого-то ряши-растеряши, даже на столе, за которым сидел с добрым лицом деда Мазая, капитан лет шестидесяти, царил полнейший бардак.

– Гражданин капитан, осужденный Медведев. – Это завхоз меня научил.

– Слышал, слышал, – сказал он. – Я тут маленько прихварнул, потому на работе вчера не был. Что ж, зовут меня Игорь Львович, фамилия моя Соломатин. А для тебя просто – гражданин капитан. И поскольку я начальник этого отряда, хотелось бы узнать о тебе по больше.

Минут двадцать я отвечал на вопросы седовласого капитана. Он ни сколько не обладал начальственным голосом, говорил спокойно, неперебивая слушал меня. Мне даже показалось, что наш разговор перешел в рамки задушевной беседы. В конце собеседования, отрядник вдруг спросил:

– Ты чем сейчас занят?

Я признаться, растерялся от такого вопроса. Чем же я мог

быть занят? Схему побега рисовл.

– Пока ничем, – ответил я, и сослался на завхоза.

– Он мне сказал, чтобы я два дня отдыхал, присматривался.

– Ага, – задумчиво произнес капитан. – Что уж совсем без дела-то слоняться по бараку. Ты вот что, Попов? – кивнул он завхозу. – Отправь-ка его в помощь дежурному, лед со ступенек крыльца убрать. А то я сейчас поднимался и чуть шею себе не свернул.

– Гражданин капитан, – мне хотелось внести ясность.

– Я лишь один раз поднялся по этим ступенькам, как же так. Почему я должен…

– Ты что, отказываешься?

– Отказываюсь, – выпалил я.

– А ты хоть представляешь себе, что бывает с теми, кто отказывается от работы?

– Нет.

– Я могу лишить тебя на месяц отоварки, что пагубно скажется на твоем желудке.

– Лишайте.

– Хорошо – Говорил он все так же спокойно, не превышая голоса.

Взяв из рядом лежащей папки бланк, он с минуту что-то писал, а закончив, развернул его, подвинул к краю стола и подозвал меня.

– Распишись.

Я взял протянутую мне ручку и поставил автограф, где он указал.

– Ну вот, – сказал отрядник, пряча листок в папку.

– Отоварки в декабре месяце ты не увидишь. А теперь иди и подумай, каково это отказываться от работы. Тебе здесь не один год находиться, и не с этого надо бы начинать. Иди и подумай, хороше-е-енько подумай.

И я ушел думать в курилку. Отрядник оказался не такой уж и тихоня, как мне показалось сначала. Очень даже мудреный, хренов дедушка Мазай. Не успел я войти в секцию, следом завхоз.

– Тебя снова отрядник вызывает, – сказал он, и далеко недружелюбным голосом добавил: – Ты, хули с первых дней начинаешь выебываться?

Завхозу было лет пятьдесят. Средний рост, ладно скроен, морда худая. Но меня нисколько не смущал его вид и грозное выражение лица.

– Ты что хочешь? – сказал я далеко не добрым тоном и уставился не моргая ему в глаза. – Ты мне кто? Папа? – мой голос уходил на хрип. – Не гавкай на меня, понял?

Не знаю, что удержало меня не заехать этой мрази в рожу. Но все же, после моих слов, завхоз будто помягчел.

– Ладно, пошли. – совершенно другим голосом сказал он.

Отрядник, как и прежде, сидел за столом, все с тем же добродушным выражением на лице. Никогда бы не подумал, что это всего лишь личина, за которой скрывается лиходей.

Годы службы прошли для него недаром. Он сумел взрастить в себе монстра-педагога. Он- то уж наверняка знал, как зека перековать в человека и вернуть на свободу с чистой совестью.

– Ну что, подумал? – спросил он меня, словно прошла уже неделя.

– Да я не успел…

– Не успел, говоришь. – Перед ним уже лежал чистый бланк постановления. – Я еще раз спрашиваю тебя. Ты пойдешь убирать крыльцо?

«Вот это наглость», – подумал я, но отступать не намеревался. Будь что будет.

– Нет, – твердо ответил я.

– Что ж, на это у тебя свое право, а у меня свое. И он начал заполнять постановление.

Как только я, не читая, расписался, он поднял трубку телефона и набрал номер.

– Это Соломатин, – представился он. – Иван Федорович, пришли ко мне наряд. Да.. да.. незговорчивый.. Блатного из себя корчит. Вот ты его к блатным и устрой.. Ага.. Ну всего.

Положив трубку, он напутствовал меня.

– Я думаю, после того, как ты похлебаешь щей в нашем ШИЗО, станешь несколько сговорчивее, да и ума, полагаю, прибавится.

– Насколько суток, гражданин капитан? – спросил я, по-

нимая неизбежность ждущей меня участи.

– Не долго, не долго, – он посмотрел на меня с едва заметной ухмылкой. – По истечении пятнадцати суток, мы вновь с тобой увидимся, но при условии, что будешь соблюдать правила поведения распорядка в ШИЗО. Там твое неповиновение может обернуться для тебя наказанием, в виде добавочного срока пребывания в камере.

В сопровождении прапорщика и двух солдат, я проследовал в штрафной изолятор, этакую маленькую тюрьму, внутри колонии, служащую для укрощения нарушающих режим содержания заключенных.

В изоляторе мне в приказном порядке велели раздеться до гола. Одежду мою закрыли в большой деревянный шкаф, а к ногам бросили другую. Я впервые одел на себя робу узника ШИЗО: зачуханные короткие штаны, вместо пуговиц на ширинке – вязка, лепень тоже без пуговиц, с рукавами до локтя и, утратившие свое название, тапочки.

Посадили меня в тринадцатую камеру, где уже сидели двое парней, постарше, чем я.

– Во, пополнение, – сказал один из них. – Ты каких кровей будешь?

– Своих, – не задумываясь, ответил я.

– И в котором отряде у нас водятся такие свои? – если до этого они сидели на корточках, то теперь встали на ноги. – Ты уж поведай нам темным.

– Вроде в третьем.

– В третьем? – прижмурясь, удивился один. – Ты давно на зоне?

– Сегодня сутки, – я сказал, как есть.

– Сутки! – они оба рассмеялись. – И уже сюда! Это за какой такой прокол?

Я рассказал парням о своем героическом поступке. А на вопрос, знаю ли кого-нибудь в отряде, я назвал парней из тех апартаментов. Мои сокамерники переглянулись.

– Шустер, бродяга. В таком разе, будь как дома. Ты среди своих.

…Потянулись долгие «кичевские» сутки. Здесь не делили время на часы, дни и ночи. Подъем, отбой, подъем – сутки.

Кормежка была на должном уровне. Одни сутки кормили отвратительно, другие не кормили вообще. Нет, конечно пайку и кружку теплой воды, чтобы не подох, утром давали. У зеков это называлось, – день лет, день пролет.

Размер камеры три на четыре, не больше. Стены «шуба». Пол бетонный, в углу толчок. Посреди камеры бетонная тумба, за которой принимают пищу и на нее же после отбоя, раскладываясь, опираются нары, на день зафиксированные в стенах длинными штырями из коридора. Маленькое окно ни сколько не пропускало света, а тусклая лампочка в нише, под самым потолком, лишь создавала полумрак. Лежать от подъема до отбоя, где бы то ни было в камере, запрещалось. Курить не положено. Переговариваться с соседними камерами нельзя. За все нарушения можно схлопотать до-

бавку к уже имеющимся суткам. Один из моих сокамерников, Володя, загорал вот уже сорок суток. И ничего, оставался разговорчивым и неунывающим человеком. А Игорь, так звали другого, устроился сюда недавно, всего пять суток. Но и он так же ни о чем не переживал.

– Срок идет, – говорил он. – И мне без разницы, где эти мрази будут охранять меня. На зоне лафа, базара нет. Но еще не вечер.

За время моего пребывания в изоляторе, два раза, ночами на пол камеры падали небольшие свертки, в которых было курево и чай. Когда мы спали, тихо открывалась кормушка и кто-то из солдат, а возможно и прапор, кидали нам «грев». Так что нам еще жить можно было.

Все имеет свое начало и конец. Настал и час моего освобождения. Перед самым обедом, уже слышалось побрякивание мисок, лязгнул замок, дверь камеры открылась.

– Медведев, на выход, – сказал прапорщик, которого я видел во время проверок и во время раздачи пищи, если он крутился возле баландера.

У шкафа я скинул с себя вонючую ШИЗОвскую одежу. Открыв шкаф, прапорщик сказал:

– Забирай свои вещи и одевайся.

На полках лежало порядка десяти комплектов, внизу стояли сапоги. Я просмотрел всю одежду, но со своей биркой не нашел. Сапог тоже не было.

– Шевелись! – рыкнул на меня солдат. – Силенки кончи-

лись что ли?

– Но моей одежды здесь нет, – сказал я.

– Как это нет?! – возмутился солдат.

И уже прапорщик и оба солдата принялись перерывать вещи сами.

– Ну еб твою мать! – выругался прапорщик, не обнаружив моих вещей.– Этого мне только не хватало.

Он зашел в дежурку и куда-то позвонил.

– У меня тут Медведев освобождается, а его вещей не оказалось… А при чем… Не в мою смену… Да где ж я возьму… что значит – найди выход. – Прапорщик бросил трубку, сплюнул под ноги. – Бардак кругом, блядь! – Сходи в рабочку, – сказал он одному из солдат. – Может там какие шмутки есть?

Вернулся солдат с брезентовыми штанами, какие выдабт сварщикам.

– Вот, больше ничего не нашел.

– Одевай, – сказал прапорщик.

Я было заартачился.

– Одевай, одевай! – злился он. – До отряда дойдешь, не околеешь! Я Соломатина предупрежу.

На голое тело: ШИЗОвский лепень, брезентовые штаны и тапки (ладно не белые) – в таком виде я вышел с вахты и медленно зашагал в отряд. Стоял морозный, градусов двадцать, ясный день. Меня слегка пошатывало от «убойной кормежки». Мороз сразу прожег мое тело до костей, кишок,

но ему было не под силу заморозить мою ненависть. В глазах у меня скопились слезы. Я никогда еще не был так унижен, оплеван. Жить не хотелось. Мне казалось, что я попал в какую-то адову круговерть.

Я шел с опущенной головой, и не от того что стеснялся своего вида, просто глаза после темной камеры не могли сразу воспринять дневной свет, да и снега за мое отсутствие навалило – кругом белым-бело. Метров двести, не доходя до барака, мне вдруг в плечо уперлась чья-то рука. Я поднял голову. Предо мной стояли Рыба и Хома.

– Здорово, братан, – приветствовали они меня.

Я поражался жизнерадостности этих ребят. Второй раз их вижу и все с улыбкой на лицах. Откуда только силы берут? Будто они и вовсе не на зоне, а на свободе.

– Вот это тебя вковали – Хома покачал головой. – Смотри, что делают, суки! Гниды подмутные! Во, кровососы!

– Ни че, ни че, – сказал Рыба. – Сейчас мы приведем тебя в босятский вид. А вот мокроту с фаса утри.

– Да это от света у меня, – почти соврал я.

– Это еще цветочки, – видя мое состояние, пояснил Рыба. – Эти вампиры ненасытные. Они так и жаждут нашей крови. Так что, как говорят пионеры, «Будь готов», дитя рабочего. А теперь давай в баню, смоешь чесотошную вонь. Ты, наверно и баня то не знаешь где?

– Не знаю.

…Еще через час, я сидел в тех самых апартаментах, оде-

тый, обутый во все новое. Меня встретили как родного, чего я не ожидал. Шутя, поздравили с «крещением».

«Кто же преступники? – немногим позже, размышлял я. – Люди, встретившие меня из ШИЗО или те, кто….»

Начиналась новая, хрупкая как стекло, полоса в моей жизни.

6

Некоторое время я стоял в оцепенении, не в силах понять, откуда может доноситься голос. Подумал, что кто-то с той стороны дверей подошел и негромко зовет. Но голос повторился и пояснил:

– Земеля. Под нарами «кабура» – смотри.

Мигом нырнув под нары, я увидел сквозное, чуть меньше дверного глазка, отверстие в соседнюю камеру.

– Здоровенько, – поприветствовал меня хозяин голоса, когда я вплотную приблизился к отверстию. – Стало быть, с новосельем тебя!

– Да вроде того, – сказал я, пытаясь разглядеть говорившего. Но под нарами было темно. Лишь когда говоривший убирал от «кабуры» лицо, мне видны были лавка и ножки стола.

– Откуда прикатил? – поинтересовался сосед.

– Из Тюмени.

– Звать-то как?

– Миша.

– Меня Костя, – сказал сосед, и добавил,– ладно, пока разбежимся. Луноход прикатил, похаваем, потом побазарим.

Я вылез из-под нар, отряхнулся от пыли и стал «нарезать тусовки», радуясь тому, что с соседями установлена такая связь. Не зря говорится, «голь на выдумку хитра».

За дверьми забрякали миски. Открылась кормушка и в ее проеме появилась круглая, в белом колпаке, морда баландера. Стрельнув на меня совсем не мужскими, голубыми глазками, спросила, медленно шевеля пухлыми, как дольки апельсина, губами:

– Посуда у тебя есть?

– Нет, – так же ласково, передразнивая баландера, ответил я, поразившись женственности голоса, этой откормленной, лоснящейся рожи.

Тогда он взял из рук своего помогалы чистую миску и налил похлебку. А тем временем дубак-заика, крутившийся рядом с баландерами, с грехом пополам объяснил мне, что сегодня меня покормят из общего котла, а с завтрашнего дня будут кормить два месяца по пониженной норме. По закону, мол, так положено.

Есть особо-то не хотелось, но увидев в супе куски сала, попробовал, да так и не отрываясь, сметал всю похлебку. С опозданием пожалел, что не растянул удовольствие.

Мне, признаться, с трудом верилось, что я попал в крытую. Рассказы бывалых жиганов никак не вязались с тем, что я видел своими глазами. А может это спецтюрьма по откорму ослабших здоровьем заключенных? Так сказать «уркаганский санаторий».

После обеда мы долго разговаривали с Костей. Он подробно объяснил мне, как живет и чем дышит крытая. Оказалось, в восьмидесятой сидит мой однозонник Леха Филонен-

ко, по прозвищу «Радион». В крытую он укатил полтора года назад, и никаких известий о его местонахождении мы не знали. Прикидывали, что он где-нибудь в Верхнеуральске или Златоусте парится, но чтобы в Иркутскую область угодил, об этом и думы не было. Редко, очень редко отправляли в такую даль. Обычно с Тюменских «командировок» сбагривали на Урал, потому видимо, что это гораздо ближе, меньше затрат, волокиты и прочего.

Костя сказал мне, в какой хате сидят «суки». А так же, что в шесть ноль сидит «Свояк» (вор в законе), и если вдруг возникнут какие затруднения, по всем вопросам обращаться к нему. И самое, пожалуй неожиданное, что я узнал от Кости – это резня между собой, в результате которой пять «азеров» закололи, а шестого, русского, оставили жить. Одна хата, выйдя на прогулку, отняла у дубаков ключи. Они открыли несколько камер своих единомышленников, и прикончили подобных себе по жизни, но разных по понятиям людей.

Случилось это месяц тому назад. Костя сказал, что сейчас здесь работает комиссия из Москвы. По слухам, добрую часть администрации – офицерский состав – выгнали, а на иных даже уголовные дела завели. Хозяина и режима по сей день не назначили, и кого назначат, никто не знает. Безхозная тюрьма жила в ожидании перемен. И, надо полагать, не в лучшую сторону. Впрочем, пока все шло своим чередом. Кормежка оставалась хорошей, а об остальном крытники умели позаботиться сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.